

Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка

Андрей Павлович Цыганков

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности современного этапа международных отношений как переходного от американоцентричного к иному, полицентричному миропорядку. У США есть немало возможностей повлиять на формирование будущего миропорядка, которые они максимально используют для сохранения доминирующей роли в мире. Но у американской позиции имеются и серьезные слабости, главной из которых является психологическая неготовность истеблишмента в Вашингтоне к изменению глобальной роли США. Переходное положение страны порождает кризис идентичности, сопровождающийся острейшими спорами в политическом классе относительно выстраивания внешней политики и стратегии. В многообразии позиций и нарративов американской стратегии можно выделить (1) сторонников продолжения либеральной глобализации с сохранением за Америкой доминирующих позиций, (2) националистов, поддерживающих сверхдержавность и ресурсное доминирование силой давления (3) реалистов, или сторонников выстраивания нового баланса глобальных сил и согласования интересов США с другими растущими державами. Кризис идентичности США связан с изменением положения страны, находившейся на центральных позициях в международной системе со времен окончания Второй мировой войны и укрепившейся в качестве доминирующей глобальной державы после холодной войны. Американский политический класс и ранее не был монолитен и всегда, даже в период холодной войны, представлял спектр различных внешнеполитических идей и позиций. Однако в прошлом внешнеполитические разногласия не ставили под сомнение базовые, составлявшие основу национальной идентичности позиции и ценности страны. Для Америки эти ценности были связаны с глобальной ролью в продвижении идеалов свободы и либеральной демократии, ранее подпитываемой и противостоянием с СССР. Исчезновение советской державы укрепило позиции либеральных глобалистов и стратегический нарратив глобального продвижения американских ценностей. Отличие современного этапа заключается в том, что брошен вызов самим позициям глобализма и выраженной его языком национальной идентичности. Националисты и реалисты больше не принимают аргументацию либеральных глобалистов, результатом чего является углубление в политическом классе и обществе идейной поляризации. Возникший идейный и внутривнутриполитический кризис раскалывает элиты и делает невозможным проведение продуманной международной стратегии. Такая стратегия станет результатом преодоления внутривнутриполитического кризиса и реагирования руководства страны на развивающиеся в мире процессы плюрализации и полицентризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

американская стратегия, кризис идентичности, стратегический нарратив, миропереход

Во второй половине 1960-х гг., в промежутке между сталинским и брежневским обострением отношений с США, видный американский международник С. Хоффманн выпустил книгу под названием *Gulliver's Troubles*¹. С. Хоффманн полагал, что американская внешняя политика является результатом исторически сформированных глубинных привычек (*deepest habits*), институтов и искусства дипломатии. Он считал, однако, что возникшие в послевоенное время привычки сверхдержавности и доминирования не могут быть реализованы в условиях усложнившейся, ставшей «много-иерархичной» системы международных отношений. *Гулливер* оказался связан многими путями системы, требующей не радикализма и жесткости, а умеренности, гибкости и готовности действовать в рамках существующих в мире правил и многосторонних форматов. Критика С. Хоффманном политики США заключалась в том, что ей следует задаться иными стратегическими целями и привести их в соответствие с наличествующими средствами. Он утверждал, что новым национальным стилем должна стать не неуклюжая дипломатия холодной войны, а опора на свойственные Америке навыки поддержки многообразия, развития военной стратегии, укрепления мира и ведения переговоров.

США, как известно, пошли по иному пути, разрубив связывающие *Гулливера* путы, уверовав в свою правоту в холодной войне и попытавшись выстроить мир по своему образу и подобию. Рекомендации С. Хоффманна были проигнорированы, но в диагнозе он не ошибся. Сверхдержавность не может поддерживаться длительное время и, как хорошо известно по опыту СССР, дается ценой огромного перенапряжения сил. В пьесе любимого С. Хоффманном А. Камю «Калигула» римский император вынужден признать, что завладеть Луной ему не под силу, а использование абсолютной власти ради уничтожения, а не созидания, самоубийственно. Не сразу, но признает это и Америка, вступившая сегодня в сложный период переосмысления своей роли в мире.

В статье рассматриваются особенности современного этапа международных отношений как переходного от американоцентричного к иному, более полицентричному миропорядку. У Америки есть немало возможностей повлиять на формирование будущего миропорядка, которые она максимально использует для сохранения доминирующих позиций в мире. Эти возможности связаны с экономическими и научно-технологическими ресурсами, сохраняющимся в глобальных транзакциях господством доллара, разветвленной сетью военных баз и политических союзов и сохраняющимся в некоторых частях мира образом страны-защитницы идеи индивидуальной свободы². Значительная часть американского истеблишмента продолжает исходить из того, что США сумеют удержать позиции доминирования в международной системе, если правильно распорядятся имеющимися возможностями. Для одних такое удержание связано с лидерством Америки, под которым понимают умение вести за собой при помощи убеждения, опоры на международные институты и поиска совместных ответов на глобальные вызовы. Другие отстаивают позиции гегемонии, утверждая, что

1 Hoffmann 1968.

2 Brooks, Wohlforth 2016.

доминирование в мире требует использования политического, экономического и военного давления на несогласных. И те, и другие убеждены, что доминирование США остается важнейшим условием глобального мира и стабильности. Несмотря на внешние и внутренние перемены, налицо психологическая неготовность истеблишмента страны к изменению глобальной роли страны.

Тем не менее – и в этом состоит основная аргументация статьи – переходные процессы в мире способствуют возникновению острого кризиса национальной идентичности, выражающегося во внешнеполитических спорах. Америка находится на центральных позициях в международной системе с момента окончания Второй мировой войны, а в первые два десятилетия после холодной войны укрепились в качестве доминирующей в мире державы. Позиции американского доминирования пошатнулись лишь во второй половине 2000-х гг., когда стала давать сбои стратегия глобальной демократизации и смены режимов и вышли на поверхность глубокие разногласия США с Россией и Китаем. Со времени глобального финансового кризиса 2008 г. Америка вступила в период поиска новой политики, выражением чего стало избрание президентом Б. Обамы. Его президентство положило начало острым спорам в политическом классе относительно будущего Америки и выстраивания внешней политики и стратегии¹.

В многообразии позиций, являющихся источниками нарративов о международной системе и американской стратегии, выделяются три основных, конкурирующих за влияние на национальный дискурс и практическую политику. Во-первых, это сторонники продолжения либеральной глобализации с сохранением за Америкой доминирующих позиций. Во-вторых, это националисты, выступающие за сверхдержавность, ресурсное доминирование за счет остальной части мира и навязывание мира посредством американской силы и оружия. В-третьих, это реалисты, или сторонники согласования интересов США с другими растущими державами и выстраивания нового, соответствующего реалиям XXI века глобального баланса сил. За каждой из данных позиций и школ – теоретически выстроенный стратегический нарратив. Такой нарратив определяется как системное мировоззрение, обосновывающее стратегию внешнеполитического и военного поведения на основе сформированных образов союзников, противников и вызовов международной среды².

Конечно, и ранее американский политический класс не являлся монолитным целым, не было в нем единства и в период холодной войны. Исторически он представлял спектр различных внешнеполитических идей и позиций. Отличием подобных обстоятельств от нынешней ситуации является тот факт, что разногласия по поводу внешнеполитической стратегии США ранее не ставили под сомнение базовые ценности страны, составлявшие основу национальной идентичности. Для Америки такая идентичность сосредоточена вокруг её глобальной роли в продвижении идеалов свободы и либеральной демократии. Наличие глобальной миссии и внешнего противника помогали укреплять эту идентич-

1 Об этих спорах в период президентства Б. Обамы см.: Цыганков, А.П. Отложенный полицентризм // Россия в глобальной политике, – № 4, – 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/otlozhennyj-policzentrizm/> (дата обращения: 09.07.2020).

2 Это определение стратегического нарратива следует отличать от основанных на образах себя и других медиа-нарративов. Об этом см. подробнее: Miskimmon et al. 2013, 2.

ность, придавали идее служения целям всеобщего мира и процветания внутренних культурно-исторический смысл. В период холодной войны эта идентичность идеологически подкреплялась противостоянием с СССР. Исчезновение советской державы способствовало усилению в американском политическом классе настроений победы и глобальной незаменимости, что укрепляло позиции либеральных глобалистов. Все разногласия в политическом истеблишменте касались теперь методов реализации глобального доминирования и продвижения американских ценностей в мире.

Также современный этап несет в себе другую, отличную от прошлого особенность: брошен вызов самим позициям глобализма и выраженной его языком национальной идентичности. Националисты и реалисты больше не готовы принимать доводы либеральных глобалистов, результатом чего стала глубинная идейная поляризация в политическом классе и обществе. Возникший идейный и внутривнутриполитический кризис приводит к расколу внутри элит, а это, в свою очередь, задерживает процесс перехода к новому миропорядку и делает невозможным проведение продуманной международной стратегии. Такая взвешенная стратегия может сформироваться только в результате преодоления внутривнутриполитических разногласий и реагирования руководства страны на процесс развивающегося мирового плюрализма и полицентризма.

Смена миропорядка и Америка

Любой мировой порядок предполагает наличие согласия основных участников международных отношений и их готовность действовать по определенным правилам¹. Исторически миропорядки возникали в результате войн и перераспределения сил. Вновь созданные правила поведения являлись отражением представлений держав-победителей о принципах справедливости и распределения силовых возможностей.

Смена миропорядка связана, во-первых, со стремлением новых растущих держав пересмотреть не устраивающие их глобальные правила, а, во-вторых, с неспособностью держав статус-кво настоять на выполнении этих правил. Результатом становится начало сложных, болезненных процессов, сопровождающихся ослаблением и распадом международных институтов, борьбой за власть и постепенным формированием новых форм глобальной организации. В истории международных отношений подобные переходные процессы редко оказывались плавными и сопровождались войнами, создававшими новый баланс сил и правила поведения².

Современный мир находится в процессе перехода от американоцентричного к иному типу глобального устройства. В этом миропереходе переплетаются между собой три важных процесса – относительное снижение роли США в глобальных отношениях, сопровождающееся подъемом незападных держав (Китай, Индия, Россия), возникновение новых международных форматов и борьба держав за власть и влияние в будущем миропорядке. Миропереход начался с середины 2000-х гг. в связи с ошибками США в Ираке и стремлением навязать

1 Kissinger 2014, 9.

2 Подробнее о процессах мироперехода см.: Tsygankov 2019.

свои условия в других регионах посредством расширения НАТО и поддержки цветных революций в Евразии и на Ближнем Востоке. Америкоцентричный миропорядок держался на способности Вашингтона отказывать другим державам в проведении независимой внешней и внутренней политики. После середины 2000-х гг. с нарастающим подъемом незападных стран такая политика перестала быть эффективной. Россия, Китай, Иран, Турция и другие государства больше не ориентируются преимущественно на США и проводят активную внешнюю политику, защищая свои интересы и сферы влияния. Возникают новые, не связанные с США институциональные объединения и переговорные площадки, а международный авторитет Америки находится на самой низкой отметке со времени окончания холодной войны. При сохранении за США сверхдержавных позиций налицо относительное ослабление военно-экономического потенциала и идейно-политического авторитета страны в мире.

Переходные процессы в мире неуклонно ведут к ослаблению американского доминирования, но пока не привели к образованию крепких опор нового миропорядка. Другие державы не готовы разделить бремя ответственности за поддержание глобального мира и стабильности. Америка находится в положении единоличного подпирающего небо атланта. Такое положение сулит не только перенапряжение, но и трудности перехода к новой политической конструкции. Как осуществить такой переход, если партнеры слабеют, а соперники становятся сильнее? Сохранить лидерство, возглавить переход в этих условиях уже не представляется возможным. Однако большинство в политическом истеблишменте США по-прежнему уверено в том, что глобальный мир, свобода и процветание невозможны без ведущей роли Америки. Как недавно написал кандидат на пост президента от Демократической партии Дж. Байден, «Соединенные Штаты обязаны быть лидером. На это больше никто не способен. Ни одна другая нация не была создана на основе этой идеи»¹.

Поэтому главная трудность смены миропорядка по-прежнему связана с психологической неготовностью американского истеблишмента к изменению глобальной роли страны. Элиты США готовы бороться за сохранение еще недавно прочного мироустройства, а центральное положение Америки в международной системе наделяет их для этого колоссальными возможностями. Американская финансовая система остается опорой мировой экономики, и более 60% всех мировых транзакций осуществляется в долларах США. Таким образом, Вашингтон обладает уникальной возможностью финансировать амбициозные проекты, при этом увеличивая внешний и внутренний долг и почти не заботясь об инфляции. Америка остается привлекательной для эмигрантов и немалого количества талантов со всего мира и продолжает быть лидером в создании новых технологий. В основном сохраняется и лидерство США в военном отношении, хотя в этой области разрыв с другими странами сокращается или даже уже сократился². Америка создала обширную сеть военно-политических союзов, нередко

1 Joseph R. Biden, Jr., "Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump," *Foreign Affairs*, March/April, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

2 Известно, что в ряде военных технологий и видов оружия – как например, гиперзвук и некоторые другие – Россия сегодня вышла вперед.

по-прежнему успешно эксплуатируя ее в своих интересах. Союзники США в Европе и за ее пределами и сегодня, пусть с меньшей охотой, нередко идут навстречу Вашингтону. Сделки по нефти и газу часто совершаются под американским влиянием или давлением.

В силу указанных причин Вашингтон и далее будет прилагать усилия для саботажа или хотя бы замедления формирования новой властной и институциональной инфраструктуры в мире. Наблюдая за действиями администрации Д. Трампа, можно с большой долей вероятности прогнозировать, каким образом будет осуществляться этот процесс. Особенно характерна политика США в отношении главного конкурента, Китая. Со времени избирательной кампании Д. Трамп настаивал на утверждении в мире принципа *America First*, не без оснований связывая успех такой философии с ослаблением Китая. За время своего президентства Д. Трамп добился на этом поприще определенных успехов. В его послужном списке сделка и продолжающиеся переговоры с Китаем о более выгодных условиях в торговле, давление на телекоммуникационную компанию *Huawei*, разыгрывание «тайваньской карты» путем продвижения членства Тайваня в ООН, продолжение сдерживания Китая в Тихом океане и многое другое. Военная доктрина США зафиксировала, что Китай рассматривается в качестве главного конкурента Америки в мире. На волне развития коронавируса Китай обвиняют в утечке вируса из лаборатории в Ухане, угрожая санкциями и требуя финансовой компенсации.

США продолжают усилия по сдерживанию или торможению роста влияния других, стремящихся к ослаблению американоцентричного порядка стран. В отношении России будет продолжена политика санкционного и политического давления, поддержка антироссийского режима на Украине и ряде других стран Евразии. Против Ирана и Венесуэлы будут вестись подрывные действия, скрытые и открытые военные операции, подобные недавнему уничтожению иранского генерала К. Сулеймани и попытке осуществления переворота против президента Венесуэлы Н. Мадуро. В Европе наибольшую поддержку американского истеблишмента получают те, кто приветствует сохранение экономического и военно-политического доминирования США.

Помимо настроений в американской элите, смена миропорядка будет неизбежно длительной и по двум другим причинам. Во-первых, поступательным и относительно длительным будет процесс выстраивания альтернативной экономической, информационной и политической инфраструктуры в мире. Созидательные процессы идут небыстро, особенно если не наблюдается обвального обрушения прежнего порядка. Переход от доллара к новым резервным валютам будет длительным, если его не подтолкнут политические перемены. Выстраивание региональных политико-экономических и инфраструктурных проектов вроде Евразийского экономического союза и нового Шелкового пути займет время. Не сразу обнаружится готовность крупных стран взять на себя ответственность за развязывание и стабилизацию крайне сложных военно-политических узлов на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Евразии, Восточной Европе и других частях мира.

Во-вторых, процесс мироперехода замедляется невозможностью большой войны, исторически являвшейся «повивальной бабкой» разрешения великодержавных амбиций и противоречий. Ядерный фактор и усложнившийся характер

военных технологий, быстрота и сокрушительность возможного военного ответа на насилие делает их использование все менее вероятным. Уже по этим причинам США, Россия, Китай и другие страны не рассматривают полномасштабную войну как способ завершения мироперехода.

В целом опыт истории свидетельствует, что миропереходы продолжаются, как правило, несколько десятилетий. Современный переход необратим, но в силу отмеченных причин может оказаться продолжительнее прежних, не завершившись и к середине столетия. Каждой из стран предстоит заново определить свое место и стратегию борьбы за выживание и развитие в новом переходном мире. Прежде всего это касается самой Америки.

Кризис американской идентичности

Переходное положение Америки ставит под сомнение прежний, основанный на центральном положении в международной системе внешнеполитический консенсус и саму идею исключительной нации, светоча глобального мира. Сомнения сопровождаются ростом национальной неуверенности в своих силах. Начавшись неадекватной реакцией на террористические атаки 11 сентября 2001 г. и вторжением в Ирак в 2003 г., кризис национальной идентичности усугубился финансовым кризисом 2008 г., неспособностью президента Б. Обамы предложить удовлетворяющие элиты и общественное большинство решения, связанным с этой неспособностью избранием Д. Трампа и новым, не имеющим прецедента распространением коронавируса внутри страны и в мире.

Кризис американской идентичности имеет различные проявления. В отношениях с внешним миром национальная неуверенность оборачивается национализмом и поиском тех, на кого можно было бы списать проблемы страны – исламский терроризм, «путинский режим» и «репрессивное» китайское государство. До недавнего времени, особенно до избрания Д. Трампа президентом, в качестве главного могильщика либерального миропорядка американский политический класс видел Россию. Российская политика и политическая система являлись удобной мишенью как в силу живой еще в сознании американцев памяти холодной войны, так и по причинам усиления с середины 2000-х гг. наступательного характера российской внешней политики. С приходом в Белый дом Д. Трампа ситуация изменилась, и либеральная русофобия стала картой во внутриполитической борьбе за смещение вновь избранного президента. Оказалось, что образ авторитарной «путинской» России является необходимостью выявления не только внешнего, но и внутреннего противника. Созданный либералами нарратив «сговора» (*collusion*) Д. Трампа и В.В. Путина стал способом избличения избранного в 2016 г. американского президента в качестве предателя интересов и (либеральных) ценностей США.

Сегодня на позиции главного виновного все больше выдвигается Китай. Представители американского политического класса обвиняют китайские власти в утечке коронавируса из правительственной лаборатории в Ухане, сокрытии этого факта и важной статистической информации по распространению вируса и оказании давления на бивших тревогу китайских врачей. Поднимается

вопрос о триллионной компенсации, которую Китай должен заплатить за свои злонамеренные действия. В противном случае возникает угроза санкций, законопроект о которых выдвинут в Конгрессе США. Республиканцы и демократы в основном одинаково негативно настроены против Китая, хотя в процентном соотношении эти настроения отличны. Согласно опросу *Pew Foundation*, такое негативное восприятие характерно для 72% республиканцев и для 62% демократов¹. Как и в случае с Россией, синофобия в политическом классе США призвана облегчить выход Америки из поразившего ее кризиса национальной идентичности.

Внутри страны кризис идентичности усугубляется противостоянием исполнительной власти с законодательной и судебной. Примером саботажа Д. Трампа на уровне Конгресса США являются попытки отстранить его от должности, навязать ему нежелательные для него санкции или отказать в возможности самостоятельно принимать решения об использовании силы во внешнеполитических операциях. В отношениях с Россией Конгресс США, в особенности контролируемая демократами Палата представителей, сформировал собственную, отличную от Д. Трампа политику санкционного давления. Примером самостоятельной позиции Верховного суда является его недавнее решение дезавуировать отказ Д. Трампа узаконить проживание в стране нелегальных иммигрантов.

На фоне политического раскола в США нарастают проблемы и экономического, и расового, и этнокультурного характера. Коронавирус обнажил слаботи американской системы здравоохранения, а карантин привел к огромной безработице, охватившей во втором квартале 2020 г. около 40 млн человек. Другим потрясением стали начавшиеся в Миннеаполисе расовые протесты. Периодически повторяющиеся и сопровождающиеся грабежами и насилием расовые протесты укоренены в структурах фактически сохранившейся сегрегации американского общества².

В условиях внутренней слабости очевидно стремление государства и СМИ акцентировать исторические мотивы национального сплочения. Искажения национальной и мировой истории оказываются при этом средствами подчеркивания исключительности и величия Америки. Один из примеров – характерное для США прославление своей роли в победе над нацизмом по случаю празднования окончания Второй мировой войны. Вместо признания заслуг всех стран, внесших вклад в победу – в особенности СССР – Белый дом выступил с заявлением, в котором упомянуты лишь США и Великобритания³.

Кризис идентичности напрямую затрагивает внешнеполитические споры в США, выражаясь в растущем идейном и политическом противостоянии либералов, националистов и реалистов. Противостояние либералов-глобалистов и националистов обнажилось с приходом к власти Д. Трампа. Реалисты менее заметны политически, но оказывают влияние на идейно-политический дискурс

1 Silver et al. 2020.

2 «США не изменятся, пока большинство афроамериканцев не поверит, что это и их страна» // Коммерсантъ. 2 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4365139> (дата обращения: 09.07.2020).

3 Белый дом назвал победителями нацизма только США и Великобританию // Лента.ру. 9 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/09/dom/>. (дата обращения: 9.07.2020)

и дискуссии либералов и националистов, обращая внимание на глобальную нестабильность и снижение властных позиций США в мире¹.

Философия американских либералов хорошо передается вышеприведенной цитатой из статьи Дж. Байдена². Кандидат от Демократической партии убежден в принципиальном соответствии либерального миропорядка целям США, а также что такой порядок возможен лишь при условии сохранения американского доминирования. Он не раз призывал к созданию нового формата общежития стран-демократий и упрочению связей с союзниками в рамках этого формата. Что касается противников и конкурентов, американский либеральный истеблишмент включает в их число Россию, Китай, Иран и всех тех, кто выстраивает «авторитарный» режим и противится принципам созданного после окончания холодной войны миропорядка. По убеждению либералов, этот миропорядок обеспечил мир и процветание, предотвратив повторение террористических атак против США, подобных атакам 11 сентября 2001 г.³

Рекомендуемая либералами американская стратегия состоит в том, чтобы укреплять позиции США как сверхдержавы и учредителя глобальной экономической открытости для американского и иного бизнеса и продолжать распространение демократии и прав человека, как их понимают в западных либеральных кругах. Растущий конфликт великих держав в мире либералы связывают не с ошибками доминирования США, а с недостатками последовательности и упорства американского руководства⁴. Что касается стран-противников, подобных Китаю и России, то их следует сдерживать в военном отношении и опережать в экономическом и технологическом. В уже цитированной программной статье Дж. Байден прямо высказался за «жесткость» в отношениях с Китаем. По его убеждению, такая жесткость необходима для противостояния «репрессивному» государству и для выдвижения США на позиции лидерства – за счет американской предпринимательской энергии – в торговой, технологической, экологической и иных областях. Дж. Байден повторил известную мысль времен Б. Обамы, согласно которой правила мирового порядка и мировой торговли должны быть написаны США, а не Китаем⁵.

Националисты мало в чем согласны с либералами, обвиняя их в экономических и политических проблемах Америки. Характерна, например, позиция Д. Трампа, обрушивающегося на администрацию Обамы-Байдена с критикой в недостатке патриотизма, слабости и уступках Китаю, Ирану и ряду других стран в эпоху глобализации. Если либеральный глобализм коренится в воззрениях В. Вильсона, правозащитной идеологии Дж. Картера и политике глобализации первого президента после холодной войны У. Клинтона, то корни национализма – совершенно иные. Националистическая идея заключается не в том, чтобы вести за собой мир путем создания экономической и политической открытости

1 См. подробнее о дискуссии: Bremmer 2018; Mearsheimer 2018; Walt 2020; Richard Haass, "The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It," *Foreign Affairs*, April 7, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>.

2 Joseph R. Biden, Jr., "Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump."

3 Hal Brands, Peter Feaver, and William Inboden, "In Defense of the Blob," *Foreign Affairs*, April 29, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-29/defense-blob>.

4 Ibid.

5 Joseph R. Biden, Jr., "Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump."

и навязывания миру «правильных» демократических ценностей, а в том, чтобы становиться сильнее и самостоятельнее за счет остального мира. В частности, в вопросах экономики и торговли националисты стремятся не к согласованию интересов, а навязыванию их с позиции силы, как это пытается делать Д. Трамп.

В гораздо большей степени, чем либералы, националисты склонны видеть в мире источник угроз. По словам американского историка У. Мида, они не стремятся искать конфликты или организовать переустройство мира или отдельных стран, если им не угрожают напрямую¹. Однако они готовы к военной мобилизации и борьбе до полной победы, если чувствуют угрозу своему образу жизни, как это делал, например, демонстрировавший готовность к силовому противостоянию в годы поздней холодной войны Р. Рейган. С Р. Рейганом связано возникновение новой школы американского национализма – неоконсерватизма, особенно активно влиявшего на политику в годы президентства Дж. Буша-младшего. Неоконсерватизм гораздо агрессивнее традиционного национализма в вопросах внешней политики и навязывания смены режимов, приближаясь в своей критике «авторитаризма» к либералам, но используя ее для укрепления могущества США в мире.

На политическом уровне противостояние либералов и националистов выражается в ожесточенных схватках демократов и республиканцев. Уровень поляризации в политическом классе США достиг значительной высоты, и отсутствие консенсуса по вопросам внешней политики – важная часть этой поляризации. Как либералы, так и националисты, не стесняясь, обвиняют сегодня друг друга в отсутствии патриотизма и даже измене родине. Недавно это делалось либеральными СМИ и политиками в отношении якобы вступившего в «сговор» с Россией Д. Трампа. Сегодня уже Д. Трамп обвиняет демократов и Дж. Байдена в готовности сотрудничать с Китаем против американских интересов. Демократы отвечают не менее острой критикой. Например, в одном из выступлений в сегменте *PBS Newshour* бывший заместитель Госсекретаря в администрации Б. Обамы Т. Блинкен согласился с обвинениями в адрес Китая в связи с сокрытием информации о распространении коронавируса, но при этом подчеркнул важность критики и самого Д. Трампа, его авторитарных инстинктов и неготовности своевременно реагировать на распространение вируса в стране.

Наконец, в американском истеблишменте заметны реалисты, отстаивающие согласование интересов с США с другими державами, особенно в вопросах безопасности и контроля над вооружениями. В вопросах стратегии и выборе партнеров реалисты традиционно выступают за диалог великих держав и выстраивание взаимоприемлемого баланса сил как основы глобального мира и стабильности. Позиции реалистов были прочны во время холодной войны, в частности, в годы президентства Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Буша-старшего при значительном влиянии таких советников, как Г. Киссинджер и Б. Скоукрофт. Например, Р. Никсон и Г. Киссинджер смогли воспользоваться китайско-советскими противоречиями для укрепления отношений США с Китаем и сдерживания СССР. Сегодня

1 Walter R. Mead, "The Jacksonian Revolt," *Foreign Affairs*, March-April 2017, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/jacksonian-revolt>.

реалисты выступают в качестве критиков внешней политики двойного сдерживания России и Китая, утверждая, что эта политика укрепляет союз двух держав и несоразмерна американским возможностям.

Среди отмеченных позиций во внешнеполитическом истеблишменте реалисты представлены слабее других. Они способны влиять на формирование политики и процесс принятия решений, когда их идеи оказываются созвучны руководителям государства. Но в последние десятилетия именно либералы и националисты успешно выдвигали своих представителей в высшие структуры политической власти. После окончания холодной войны реалисты утратили прежнее влияние. Беспрецедентная мощь Америки, очевидная на фоне распада СССР и относительной слабости других держав, укрепила позиции уверовавших в однополярный мир и навязывание американской политики остальной части мира либералов и неоконсерваторов. Даже в условиях ослабления глобальных позиций США продолжает доминировать идея двойного сдерживания России и Китая, именуемая среди реалистов «кошмаром Киссинджера». Время покажет, станут ли их рекомендации основой для формирования внешней политики.

Будущее американской стратегии

Кризис идентичности, столкновение разных нарративов о внешней политике делают крайне сложным осуществление и даже само формулирование американской стратегии. У различных сегментов внешнеполитического истеблишмента слишком мало общего в понимании целей Америки в мире и характере самого этого мира. По недавнему признанию авторов ведущего экспертного журнала *Foreign Affairs*, любая стратегия, понимаемая как способность формулировать и сводить друг с другом цели и средства, предполагает ясное понимание баланса сил, наличие внутреннего консенсуса о национальных целях и идентичности и стабильность институтов¹. По мнению авторов, все перечисленные условия сегодня отсутствуют. Мир дестабилизирован и развивается под влиянием энтропии. Вместо биполярности или какой-то иной конфигурации растут соблазны экспансионистского поведения без оглядки на другие державы. Это – мир ревизионизма, принципиально отличный от холодной войны и двух десятилетий после ее окончания. Новые правила, организации и институты возникают пока гораздо медленнее, нежели разрушаются прежние, создавая условия для роста насилия в мире. Как писал в 1930-е гг. А. Грамши, «старый мир умирает, порождая монстров»². Терроризм, шантаж и безответственная политика являются такого рода монстрами и проявлениями насилия в современном мире.

Отсутствует и внутриамериканский консенсус, а глубокая идейная поляризация оказывает негативное влияние на функционирование её политических институтов. Длительность изоляции Америки от мировых событий, а затем включенность в эти события в качестве центральной державы во время холодной войны оказали дипломатии страны плохую услугу. XX век, кото-

1 Daniel W. Drezner, Ronald R. Krebs, and Randall Schweller, "The End of Grand Strategy," *Foreign Affairs*, May-June 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-04-13/end-grand-strategy>.

2 Цит. по: Slavoj Žižek, "A permanent economic emergency," *New Left Review* (64), July/August 2010, accessed July 7, 2020, <https://newleftreview.org/issues/1164/articles/slavoj-zizek-a-permanent-economic-emergency.pdf>.

рый известный британский историк Э. Хобсбаум назвал «веком крайностей», похоронил связанные с выработкой компромиссов традиции европейской дипломатии, а ненависть к советской системе сделала невозможной достижение компромисса с ее лидерами. Окончание же холодной войны – во многом на западных условиях – лишь укрепило убеждение американских элит в правильности курса на глобальное доминирование, тем самым подготовив основы политики двойного сдерживания Китая и России. Если что-то и объединяет сегодня различные группы американского истеблишмента, то это инерция гордыни и готовности диктовать миру свои условия. Немалая часть политического класса США и Европы продолжают руководствоваться политикой двойного сдерживания, надеясь на ослабление неугодных им стран и развитие противоречий между ними.

Вместе с тем под влиянием изменений внутри страны и за ее пределами американский внешнеполитический дискурс претерпевает эволюцию. Связанные со снижением американского влияния и кризисом национальной идентичности перемены будут способствовать и уже способствуют изменениям в структуре описанных нарративов, ослабляя сторонников глобального доминирования. Эти изменения затрагивают сегодня и либералов, и националистов, и реалистов.

В американском либерализме исторически развивалась не только традиция стремившегося преобразовать мир В. Вильсона, но и изоляционистски настроенного и желавшего укрепления демократии внутри страны Т. Джефферсона¹. В лагере либералов сегодня слышны голоса тех, кто настаивает на приоритетности внутренних реформ, а не противостояния «репрессивным режимам». Во внешней политике они хотели бы усиления многосторонних форматов и институтов, а не американского стремления диктовать и доминировать. Пока эта группа либералов не пользуется существенной политической поддержкой и в очередной раз проиграла представителю традиционно настроенного истеблишмента процесс номинирования своего кандидата на пост президента. Однако Дж. Байдену уже исполнилось 77 лет. Даже если он получит номинацию и станет президентом, многое в американской политике будет определяться личностью и взглядами неизвестного пока вице-президента.

Отношение к Дж. Байдену продолжает разделять американских либералов. Некоторые сравнивают его с Л. Брежневым, имея в виду не только возраст, но и неспособность решать давно назревшие структурные проблемы, связанные с растущим социальным неравенством, нередко недоступными здравоохранением и образованием и ухудшением климатических условий². Другие более оптимистичны, полагая, что Дж. Байден готов к переменам внутри страны³ и во внешней политике. Даже раскалывающие страну социально-расовые протесты

1 Mead 1999.

2 Ben Judah, "Is Joe Biden the American Brezhnev?" Guardian, March 6, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/06/biden-soviet-russia-status-quo-democratic-ussr>.

3 Левые в основном настроены скептически, но обратили внимание на то, что Дж. Байден согласился на сотрудничество с вышедшим из гонки кандидатом левых Б. Сандерсом и создал совместные комиссии по вопросам климата, образования, полиции, здравоохранения, экономики и иммиграции (по пять членов от Байдена и по три от Б. Сандерса). См. подробнее: Jeet Heer, "Would You Buy a Used Progressive Agenda From This Man?" The Nation, May 15, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.thenation.com/article/politics/biden-progressive-agenda-democratic/>.

демократы зачисляют в актив внешней политики как способствующие образу страны, готовой бороться за права угнетенных меньшинств¹.

В самом штабе бывшего вице-президента также переосмысливают прежнее мировоззрение, извлекая уроки из президентства Д. Трампа и укрепления национализма в мире. Здесь больше не настаивают на утверждении либерального миропорядка, а готовятся к длительной и упорной борьбе за сохранение либеральных ценностей там, где еще возможно. Это предполагает консолидацию отношений с союзниками, отказ от культивирования поддержки псевдосоюзников вроде Саудовской Аравии, Египта и Турции, а также продолжение сдерживания России и Китая в Европе и Азии². В экономике такая политика связана с жесткостью в торговой, технологической и инвестиционной областях по отношению к «авторитарным» странам и активной борьбой с коррупцией в офшорных зонах³.

В противоположном лагере укрепился олицетворяемый Д. Трампом традиционный национализм. В результате его прихода к власти ослаб лагерь стремящихся к реваншу либералов. Но не менее важно отметить существенное, возможно, необратимое ослабление торжествовавших в 2000-х гг. неоконсерваторов. Они не могли не обратить внимание на заметное отличие трамповской концепции *America First* от их собственных убеждений. Вскоре после провозглашения Д. Трампом конца глобализации и победы принципов национализма в речи⁴ в ООН в сентябре 2018 г. эту победу признал один из идеологов неоконсерватизма Р. Кэйган, при этом отказав президенту США в поддержке. Р. Кэйган, в частности, заявил, что прежний консенсус об Америке как гаранте глобальной безопасности и свободы торговли сломлен в обеих партиях истеблишмента⁵.

Взгляды Д. Трампа сочетают в себе типичное для националистов намерение любой ценой укрепить власть и могущество с минимизацией международных и союзнических обязательств. Современный американский национализм означает уже знакомое стремление доминировать в ядерной, технологической, торговой, энергетической и иных областях в мире. При этом по ряду позиций взгляды действующего президента близки реалистам, настаивающим на важности соизмерять силы в соперничестве с сильнейшими мира сего. Например, он стремится договориться, пусть и на своих условиях, с Россией, не представляющей, по его мнению, угрозы. В отличие от либералов, его не волнует российское политическое устройство. Как националиста и бизнесмена, Д. Трампа более всего занимает экономически растущий Китай. Его цель заключается в подчинении Китая интересам США, а также в отказе от «излишних» обязательств на Ближнем Востоке, в Европе и других регионах.

1 Chris Murphy, "A New Civil Rights Movement Is a Foreign Policy Win," *Foreign Affairs*, July/August 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-06-12/new-civil-rights-movement-foreign-policy-win>.

2 См. подробнее: Matthew Kroenig, "The United States Should Not Align With Russia against China," *Foreign Policy*, May 13, 2020, accessed July 9, 2020, <https://foreignpolicy.com/2020/05/13/united-states-should-not-align-russia-against-china-geopolitical-rivalry-authoritarian-partnership/>; Thomas Write, "The Quiet Reformation of Biden's Foreign Policy," *Brookings*, March 19, 2020, <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/20/the-quiet-reformation-of-bidens-foreign-policy/>; Laurie Macfarlane, "A spectre is haunting the West – the spectre of authoritarian capitalism," *Open Democracy*, April 16, 2020, <https://www.opendemocracy.net/en/oureconomy/a-spectre-is-haunting-the-west-the-spectre-of-authoritarian-capitalism/>.

3 Thomas Write, "The Quiet Reformation of Biden's Foreign Policy."

4 "Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly," *The White House*, accessed July 7, 2020, <https://www.vox.com/2018/9/25/17901082/trump-un-2018-speech-full-text>.

5 Robert Kagan, "The America First Has Won," *The New York Times*, September 26, 2018, accessed July 7, 2020, <https://www.nytimes.com/2018/09/23/opinion/trump-foreign-policy-america-first.html>.

Что касается реалистов, в их лагере продолжается борьба между сторонниками державного доминирования и выстраивания нового многополярного баланса сил. Первые убеждены в приоритетности сохранения за Америкой глобального первенства (*primacy*), а также усилий по ослаблению других держав в мире. Сторонники наступательного реализма считают главным сдерживание Китая в глобальном масштабе. Угрозы со стороны России, Северной Кореи, Ирана и радикальных исламских группировок они оценивают как менее важные, не считая необходимым растрчивать важнейшие ресурсы на активное им противодействие¹. В этом лагере реалистов заметны и те, кто желал бы сохранить и упрочить позиции первенства США в мире, развивая международное взаимодействие и многосторонние институты, отказываясь при этом от дополнительных обязательств, расширения союзов и распространения демократии. Идеи такого реалистско-либерального синтеза не раз отстаивались на страницах *Foreign Affairs* и *International Security*².

Вторые выступают с позиций умеренного или оборонительного реализма, констатируя продолжающийся распад прежнего миропорядка³ и поддерживая постепенное сворачивание глобального военного присутствия США и переход на позиции «офшорного» сдерживания потенциально опасных держав силами других⁴. Сторонники такого мышления убеждены также в необходимости разделения ответственности и сфер влияния среди великих держав во избежание эскалации их противостояния и нахождения нового баланса сил в мире⁵. По мнению этой группы реалистов, наступательный реализм опасно близок к уповающим на глобальное доминирование либералам и националистам-трампистам. При этом некоторые из умеренных реалистов, как, например, Э. Басевич, убеждены, что между либералами и националистами нет непроходимого барьера и без поражения политики либерализма Обамы-Байдена не было бы и победы Д. Трампа⁶.

В тех случаях, когда различные группы внешнеполитического истеблишмента согласны по каким-то вопросам, они не в состоянии договориться о способах их решения. Например, сегодня в американском политическом классе сформировалось единство относительно необходимости проведения более жесткой политики в отношении Китая, обвинения в адрес которого больше не являются прерогативой Д. Трампа и представителей республиканского истеблишмента. Многие из этих обвинений разделяют и демократы, делая упор на авторитарный характер политической системы Китая. Это не означает, что различные группы согласны в том, во имя чего, как и когда в отношении Пекина следует действовать жестко, кого выбирать в партнеры и союзники и какие ресурсы задействовать.

1 Ionut Popescu, "It's Time to Get Real About Great-Power Politics," *The National Interest*, April 15, 2020, accessed July 9, 2020, <https://nationalinterest.org/feature/its-time-get-real-about-great-power-politics-144742>.

2 См. подробнее: Brooks et al. 2012; Jennifer Lind and William C. Wohlforth, "The Future of the Liberal Order Is Conservative. A Strategy to Save the System," *Foreign Affairs*, March/April 2019, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-02-12/future-liberal-order-conservative>.

3 Richard Haass, "The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It."

4 См. подробнее: Barry R. Posen, "Pull Back. The Case for a Less Activist Foreign Policy," *Foreign Affairs*, January/February 2013, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2013-01-01/pull-back>; Walt 2018.

5 Graham Allison, "The New Spheres of Influence," *Foreign Affairs*, March/April 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence>.

6 См. подробнее: Porter 2018; Andrew Bacevich, "Joe Biden's Foreign Policy Gave Us Donald Trump," *American Conservative*, April 20, 2020, accessed July 10, 2020, <https://www.theamericanconservative.com/author/andrew-j-bacevich/>.

Таким образом, внутри каждого из нарративов прослеживается конкуренция между сторонниками на самом деле одного: доминирования в международных отношениях в большей или меньшей степени. Этот процесс является отражением глобальных и национальных перемен и займет значительное время, учитывая всю сложность мироперехода и инертность американского политического класса, его реагирование на перемены в мире. Кто бы ни находился в Белом доме, ясная внешнеполитическая стратегия США не будет сформулирована без складывания глобального баланса сил, правил великодержавного поведения и без преодоления внутри страны описанного конфликта нарративов.

Для России и остального мира кризисное положение «единственной сверхдержавы» сулит немало опасностей, но и некоторые возможности. Вызов заключается в том, чтобы в условиях мировой нестабильности подготовить российский выход из внутренней стагнации, избежав при этом участи заложника в нарастающем противостоянии США и Китая или попадания в зависимость одной из сторон¹. Не обладая значительными материальными возможностями для ускоренного формирования многополярного мира, Россия и другие заинтересованные державы могли бы способствовать выстраиванию региональной и институциональной архитектуры нового мира, сохранению международной открытости, пусть и за пределами Запада, а также решению проблем глобальной безопасности, как традиционной, связанной со снижением потенциала вооруженного насилия, так и включающей в себя угрозы изменения климата, голода и отсутствия элементарных условий социальной защиты человека. При наличии политической воли со стороны значительного количества стран постепенное переформатирование мира могло бы оказаться возможным. На этот раз – без лидерства со стороны США.

¹ Цыганков, А.П. Сбережение державы: на что опереться в миропереходе // Россия в глобальной политике, – № 2, – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/derzhava-miroperehod/> (дата обращения 10.07.2020); Цыганков, А.П. Сосредоточение не по Горчакову // Россия в глобальной политике, – № 2, – 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu-2/> (дата обращения 10.07.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bremmer, Ian. *Us vs. Them: The Failure of Globalism*. New York: Portfolio, 2018.
- Brooks, Stephen G., John Ikenberry, and William C. Wohlforth. "Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment." *International Security* 37, no. 3 (2012): 7–51.
- Brooks, Stephen G., and William C. Wohlforth. *America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull Back from the World*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Hoffmann, Stanley. *Gulliver's Troubles, or the Setting of American Foreign Policy*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1968.
- Kissinger, Henry. *World Order*. New York: Penguin Books Ltd., 2014.
- Mead, Walter. R. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*. London: Routledge, 1999.
- Mearsheimer, John. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press, 2018.
- Miskimmon, Alistair, Ben O'Loughlin, and Laura Roselle. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. London: Routledge, 2013.
- Porter, Patrick. "Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment." *International Security* 42, no. 04 (May 2018): 9–46. https://doi.org/10.1162/isec_a_00311.
- Silver, Laura, Kat Devlin, and Christine Huang. *U.S. Views of China Increasingly Negative Amid Coronavirus Outbreak*. Pew Research Center, April 21, 2020. <https://www.pewresearch.org/global/2019/08/13/u-s-views-of-china-turn-sharply-negative-amid-trade-tensions/>.
- Tsygankov, Andrei P. "From Global Order to Global Transition. Russia and the Future of International Relations." *Russia in Global Affairs*, no. 1 (2019): 52–70. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-1-52-70>.
- Walt, Stephen M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Сведения об авторе

Цыганков Андрей Павлович,

профессор международных отношений и политических наук

Калифорнийского Университета Сан-Франциско,

Сан-Франциско, США, 94143.

e-mail: andrei@sfsu.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 июня 2020. Принята к публикации: 24 августа 2020.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цыганков, А.П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // *Международная аналитика*. – 2020. – Том 11 (2). – С. 28–44.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition

ABSTRACT

The article discusses the modern stage of international relations as a transition from the US-centric to another, polycentric world order. America has many opportunities to influence the formation of the future world order, which it uses for maintaining a dominant role in the world. However, America also has severe weaknesses for making the global transition; the main one considers the psychological unpreparedness of the country's establishment for a change in the global role of the United States. The country's transitional situation gives rise to an identity crisis, accompanied by the most heated debates in the political class regarding the development of foreign policy and strategy. In the variety of positions and narratives of the American strategy, one can distinguish (1) proponents of the liberal globalization and maintaining America's dominant position, (2) advocates of superpower status and resource dominance by coercion and (3) realists or those who call for building a new global balance of power and coordinating the US interests with other powers. This identity crisis is associated with the globally changing position of the country that has been at the center of the international system for the past 75 years. The American political class was never monolithic before and even during the Cold War, representing a range of different foreign policy ideas and positions. However, foreign policy disagreements previously did not question the national identity and fundamental value of the country. For America, these values were associated with a global role in promoting the ideals of freedom and liberal democracy, previously underpinned by confrontation with the USSR. The disappearance of the Soviet power strengthened the position of liberal globalists and enhanced the strategic narrative of the global promotion of American values. The difference of the contemporary period is that nationalists and realists no longer accept the arguments of liberal globalists, resulting in a deepening of ideological polarization in the political class and society.

The domestic ideational and political crisis splits the elites, delays the transition to a new world order, and makes it impossible to pursue a sound international strategy. Such a strategy will be the result of both an internal political struggle and a response of the country's leadership to the processes of pluralization and polycentrism developing in the world.

KEYWORDS

America's Strategy, Identity Crisis, Strategic Narrative, Global Transition

Author(s)

Andrey P. Tsygankov,

Professor of international relations and political science at the University of California,
San Francisco, San Francisco, USA, 94143.

e-mail: andrei@sfsu.edu

Additional information

Received: June 14, 2020. Accepted: August 24, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Tsygankov, Andrei P. "Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition."
Journal of International Analytics 11, no 2 (2020): 28–44.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>